

Правда. — 1993 — 22 мая

ШОЛОХОВСКИЙ ДЕНЬ

24 мая — день рождения М. А. Шолохова, одного из немногих российских нобелевских лауреатов. Передавая «Правде» главу своих только что завершённых воспоминаний, хочу надеяться, что они помогут разглядеть писателя не в позолоченном нимбе (что частенько случалось в последние годы его жизни) и не в одноцветно ниспровергательских красках (что сегодня становится едва ли не нормой).

Поездка в Вешенскую, о которой идет речь в этом отрывке, состоялась в последний год жизни М. А. Шолохова — 3—4 июля 1983 года. Поехал к нему в качестве директора ИХЛ вместе с В. Ганичевым, главным редактором «Роман-газеты».

...Уже при первом взгляде бросилось в глаза, что Михаилу Александровичу непомерно тяжело от мучительной болезни — рака. Преклонный возраст тоже, разумеется, сказывался. Тело стало немощным, истерзаным. Но могучий ум не сдавался.

Никогда не забуду: едва мы вошли в дом и только-только уселись за стол с чаем, что устроила Мария Петровна, жена Шолохова, сам он, насколько поздоровавшись с нами, сразу — и не мимоходом — спросил: «Ну, что нового в Москве?» Он, оказавшись, начинал догадываться, что быть у нас переменам. Страна устала терпеть засилье тщеславных государственных старцев.

Впрочем, об этом несколько позже. А пока несколько подробнее о цели нашего приезда — статьях, заказанных именитому автору. Первая из них — «Читателям библиотеки «Родные нивы» — являлась вступительным словом к впервые затеянной нашим издательством библиотеке лучших повестей, рассказов и поэзии писателей дереволуэционной поры и советского времени о крестьянстве и крестьянском труде (6 томов тиражом до 600 тысяч экземпляров каждый). Вторая — это обращение к болгарским читателям, которое должно было открыть его собрание сочинений, готовящееся в Софии.

Статья «Читателям библиотеки «Родные нивы», до того как увидеть свет в первом томе летом 1984 года, 20 января была напечатана «Правдой». Поначалу я предлагал ее в «Литературную газету», но там отказали. А правдисты поставили в номер. Эта статья стала последней прижизненной публикацией Шолохова, она появилась за месяц до его кончины.

У меня до сих пор в памяти последний абзац с его самой последней строчкой. После смерти писателя по-особому щемяще читается это. Шолохов, выходит, вслух попрощался с миллионными, прежде всего с деревенскими, с кем пойти 80 лет жиз-

ни делил все — нелегкие радости и непомерно сложные заботы: «В этой библиотеке наша отечественная литература как бы читывается перед вами, братьями и сыновьями, сестрами и дочерьми ее героев и героинь, любовное, уважительное и при этом прямое слово о которых она несет миру. Поклон вам низкий, люди земли, люди сельского труда»

А вторая, «болгарская» статья — своего рода напутствие, о котором можно смело говорить как о духовном завещании. Были в ней такие строки: «Давайте порассуждаем вместе — прошлое, настоящее и будущее совсем не взаимно исключают друг друга или обособленные измерения жизни человека и человечества. Только их тесная взаимосвязь ради служения Родине, ради осуществления истинных народных чаяний, то есть и ради будущего, делает талантливого литературного произведения актуальным независимо от того, когда оно создано — пятьдесят, сто или, скажем, двести и более лет назад».

И в первый, и во второй день сидел за столом в медицинском кресле на колесах. Он рассказывал, что подкладывает плоскую подушечку с просом — послушался совета одного станичника. Пошутил по этому поводу: вот, мол, стал на старости лет просорушкой.

Я увидел на столе — по правую руку — том воспоминаний маршала Рокоссовского. Спросил: «Читаете?» — «Перечитываю!» — ответил Шолохов. А в голосе усмешливая, как почувствовал, укоризна праздному любопытству: дескать, разве он мог позвонить себе не прочитав эту книгу раньше. Добавлю, что в последующее свидание — уже в больнице — тоже углядел, что читал он. «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова.

Мария Петровна вдруг вспомнила, как после войны на одном из правительственных приемов Рокоссовский выделил ее среди женщин и одарил букетом роз. И как же стремительно отозвалось сердце мужа и талант писателя уж сколько десятилетий спустя! Михаил Александрович сказал кратко, и этот всплеск чувств, как я понял, воссоединил в себе и ревность, и образность: «Как журавель подлетел!» Тут же вспомнился по фотографиям красивый, высокий, стройный маршал, длинноногий, в галифе...

Вполне естественно, что разговор пошел вокруг темы войны. Шолохов высказал свои высокие оценки маршалу Жукову. И поделился предположениями, почему Сталин и Хрущев проявили грубое недоброжелательство к всенародному любимцу. Сказал: «То была не только ревность к славе, но политическая боязнь».

Ганичев рассказал, как ему до-

велось в свое время подарить маршалу подарочное издание «Тихого Дона» и Жуков выразил свою любовь роману. «Жаль, что я с ним ни разу не встретился», — сокрушался Шолохов.

Вместе с Марией Петровной вспомнил о своей матери, о ее гибели, когда фашисты бомбили Вешенскую. Мария Петровна отметила такую черту ее характера, как упрямство. Ганичев сказал Шолохову: «Вас ведь тоже трудно переубедить. Вы тоже упрямый...» Ответил: «Нет». И усмехнулся: «Если кто меня переубедит, я сдаюсь, подчиняюсь».

Припомнил острую писательскую дискуссию в 1934 году, в которой Горький и Шолохов выступили против модной тогда порчи русского литературного языка и любимчиков вождя-правителя.

Был велик искушение узнать судьбу романа «Они сражались за Родину». С утра мы были подогреты открытием, почти шепотом, секретаря Шолохова. Он сослался на свидетельство младшего сына писателя, что роман в полном своем виде отец предал огню. Страшно было слушать. Ошеломило...

В лобовую, понятно, не любопытствуешь — так ли, не так ли? Воспользовались каким-то удобным предлогом и спросили: «Будете ли продолжать и заканчивать?» Вопрос, наверное, застал его врасплох. Молчит. Я понял, что он раздумывал — доверить ли гостям все то, что все-таки через минуту-другую доверил:

— Послал я Брежневу рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю, жду месяц, жду третий...

Как бы мимоходом обронил: «Сталин «Поднятою целиною» за две ночи одолел».

— Живу в Москве — жду. И вот наконец дождался — посылный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрываю — а там что? Письма нет, а по рукописи на полях три вопросительных знака. И все! Со всем без каких-либо пояснений, разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критически шло... Второй вопрос — где у меня герой проходил по союзникам: тянули союзники с открытием второго фронта. Третий — там, где дальше снова шло о Сталине...

Что же мне делать? — гадаю. — Вот, думаю, и посоветовался. Ну, посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда, помню, вторым секретарем ЦК. Звоню — тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, недоразумение. Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, но не Леонида Ильича. Я сегодня же, говорю, все проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А

сейчас я пошлю за вашей рукописью — вы верните ее». Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Еще месяца два-три звоню. Нет Кириленко. Так ни разу и не соединили: то, говорят, проводит секретариат, то на заседании Политбюро, то в командировке... Наконец, нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыв — все в прежнем виде, ни письма, ни на полях ничего нового... Все те же прежние три вопроса.

Вслушались, а не унять желания узнать судьбу романа: сжег — не сжег? Но как узнать?... Первым Ганичев не утерпел. Проявил дипломатичность — спросил эдак невинно, да к тому же рукой провел, ведя наши взгляды от письменного стола к книжным шкафам: «Михаил Александрович, а где вы храните здесь полную рукопись романа?» У меня мелькнуло: «Ну вот петелька для ответа». Жду — вдруг не подтвердит, что бросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да где же ей быть, как не в столе...» Михаил Александрович, однако, собрался и ответил от себя хитроуловный захват, дал резкую отводу нашим соблазнам.

— Нет ее здесь! — сказал неподступно-твердо, как ударил закомлястой палицей. Мы уже знали цену такой жесткой интонации. Она не позволяла продолжать тему. Новые — неугодные ему — вопросы мог перебить, а то не в пору и прекратить встречу.

Там мы и остались без прояснения этой страшной загадки шолоховской жизни. Ни словом, ни намеком ни сам он, ни Мария Петровна не позволили нам узнать: цела ли рукопись?

Шолохов тогда не все изложил. В 1991 году его старшая дочь поведала мне, с чего все началось:

— Как-то главный редактор «Правды» попросил у отца отрывок из новых глав. К 7 ноября, в праздничный номер. Сначала отец отказал ему, но после настойчивых просьб послал тот отрывок, где речь идет о Сталине и репрессиях. Редактор не решился напечатать это без «визы сверху». Уговаривал отца сделать поправки, «смягчить» или вообще выбросить некоторые острые места. Отец, хотя и вышел очень резкий разговор, отказался что-либо поправлять и выбрасывать...

Не рассказав и о том, что послал Брежневу письмо-протест — требовал скорейшего решения судьбы романа. В конце письма шло резкое, непочтительное: «...Улетаю в субботу, 2. XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости. Каково это было читать генсеку...»

Но вернусь к встрече. Шолохова после паузы, видно, наше

любопытство с вопросом: «Цела ли рукопись?» — все-таки зацепило — снова принялся за Брежнева.

— Звонок междугородный — Москва! Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... Через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Молчит... Потом говорит: «До свидания, Михаил Александрович...»

Шолохов при этих словах хитрованно ухмыльнулся. И подытожил: «Так ведь и не приехал».

Был разговор и о Сталине. Шолохов говорил о нем, о его отношении к себе и о своем отношении к нему спокойно. Не раздавалось ни преувеличенных восторгов даже в рассказах о хорошем во взаимоотношениях, ни огульного, так скажем, отрицания, когда вспоминал о мрачном. Упомянул о едва ли не аскетизме вождя в быту. Вспомнил, как однажды был приглашен Сталиным отобедать на подмосковную дачу. Около хозяина яств-разносолов совсем немного: тарелка холодного, по-грузински приготовленного мяса с зеленью и бутылка грузинского же вина. Тем и довольствовался вождя все застолье... Отметил еще скромную обстановку.

Я поинтересовался у Шолохова: «Когда в 1938-м готовили арест, в чем вас обвиняли?» Ответствовал немногословным: «Во всем. Даже за то, что я высказывался о бесхозяйственности — колхозные комбайны зимуют под открытым небом». Добавил с горькой усмешкой: «До сих пор ведь в половине колхозов, думаю, так и стоят». Ему, к слову, сообщили: «В печати идет спор, хорош ли новый ростовский комбайн...» Вновь с горечью: «Спорят... А комбайн от этого лучше не становится».

Стал вспоминать о страшной поре раскулачивания. На вопрос: «Много ли из них, раскулаченных, вернулось?» — ответил: «Со всем мало. Мне рассказали, что в Архангельской области много казаков из раскулаченных... Хаты побелены. Как у нас на Дону». Проговорил с гордостью: «Говорят, два казака, из архангельских, стали в войну Героями Советского Союза».

Внезапно о секретаре крайкома довоенной поры: «Он до революции и в революцию экспроприатором был. Деньги отбивал... Анархист! Человек, ска-

жу, храбрый. Четыре ордена... Жил у меня дома четыре дня. Спросил его, когда начал чувствовать на себе внимание органов: «Почему из всех членов бюро райкома одного не посадили — меня?» Он ответил: «Когда к дубу хотят добраться, по дороге к нему молодяк валят...» В разговорах он отрицал, что в тюрьмах пытки. Говорил: «Такого не может быть!» Я его потом в Москве, когда Луговое спасал, в НКВД увидел — глаз выбит, кровоточит... Сам попал в то, что копали».

С уважением говорил о Василии Шукшине. Рассказал, что познакомился, когда снимался фильм «Они сражались за Родину» и несколько артистов во главе со своим режиссером пожаловали в гости. Растроганно припоминал скромность Шукшина, Марии Петровне такое запомнилось: «Он ничего не ел, не пил, все смотрел на Михаила Александровича...» Шолохов подумал-подумал и продолжил: «Я что-то почувствовал во взгляде... Эх, умер...»

Были и разговоры о будничном, о всяком, как говорится, гутарили, он, вспомним, любил это слово. Например, будет — не будет урожай... О мосте через Дон у станицы, который строили благодаря шолоховским хлопотам, чтобы сменить неудобные разводные понтоны... О недавней рыбалке: он стеснялся рассказывать о ней — это, как я понял, потому, что из-за болезни возили, а не сам пошел, и не на Дон, а на пруд («Но какая там рыбалка на пруду, — заметил. — Так себе... мелочь. Я ее обратно...»). Об охоте в былые годы — и он, и Мария Петровна заговорили о ней азартно, увлеченно (она: «Я заядлая охотница. Могла дулетом по гусям...») Он произнес: «Я — больше по перу...» Пожалуй, что скаламбурил).

Валентин ОСИПОВ.